

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АРХЕОЛОГИЯ и АНТРОПОЛОГИЯ

Материалы по истории Туркменистана. Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР, т. II, Ашхабад, 1956, 218 стр.

Рецензируемый том Трудов Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР посвящен археологическим исследованиям на территории Южной Туркмении. Коллективом Института в 1952—1953 гг. в связи с подготовкой к написанию истории Туркменской ССР были проведены широкие полевые исследования. Статьи рецензируемого сборника подводят основные итоги этих исследований. Пять из восьми статей сборника посвящены исследованиям в области первобытной археологии.

Сборник открывает вводная статья А. А. Марущенко, посвященная итогам археологических работ Института в 1952—1953 гг. Сотрудниками Института были поставлены разведочные раскопки на северном холме Анау, Чопан-тепе, Намазга-тепе, Теккем-тепе, на городищах Хосров-кала, Старый Серахс и некоторых других памятниках. Основными задачами археологических работ Института, как сказано в статье, являлись: «а) завершение проверки общей стратиграфии земледельческих культур Южного Туркменистана, б) уточнение их синхронизации с культурами сопредельных районов Туркменистана и Средней Азии, в) уточнение исторической периодизации юга страны в эпохи неолита, энеолита, бронзы и раннего железа (культур Анау)» (стр. 6).

В статье отмечается, что в результате этих раскопок получен новый, ценный материал для изучения древнейшего периода истории Туркмении. Так, например, раскопки стоянки Джойтун, холма Чопан-тепе и северного холма Анау опровергли представление Р. Пампелли о культуре Анау I, как о поре приручения первых диких животных. «Культура Анау I,— пишет А. А. Марущенко,— это эпоха развитого скотоводческого хозяйства, имевшего в своем составе все современное видовое поголовье скота, за исключением, может быть, лошади» (стр. 7). В процессе раскопок получены новые данные для изучения культурных связей древних земледельцев с их северными соседями — охотничье-рыболовческими племенами эпохи неолита и энеолита, скотоводами и земледельцами бронзового века.

Основываясь на материалах, полученных отрядами Института, А. А. Марущенко предлагает новую схему исторической периодизации подгорной полосы Копет-Дага (стр. 8). Материалы последних раскопок подтвердили некоторые положения периодизации культур Анау, предложенной А. А. Марущенко в 1939 г.¹ Древнейший этап раннеземледельческой культуры Анау, не представленный в материалах раскопок Р. Пампелли и выделенный А. А. Марущенко в 1939 г. по находкам у Келята, в настоящее время довольно хорошо документируется материалами Джойтуна (Чокмакдаш-беик) и Чопан-тепе. Более близкими к истинным, по сравнению с датировками Р. Пампелли, оказались и датировки, предложенные А. А. Марущенко. Большая дробность данной им в 1939 г. периодизации в значительной степени подтверждена материалами шурфовок Намазга-тепе и других памятников. Положительной стороной периодизации, предложенной в рецензируемой статье, является попытка увязать археологический материал, хронологическое членение которого не вызывает особых сомнений, с определенными этапами истории общества.

До недавнего времени наиболее древним из изученных археологами памятников земледельческих культур Южной Туркмении являлся северный холм Анау. Материалы, датированные более ранним временем, были представлены незначительными поверхностными сборами, что мешало разработке ряда вопросов древнейшего этапа истории народов Туркмении, в частности вопросов о происхождении земледелия и скотоводства. В статье С. А. Ершова «Холм Чопан-тепе (Отчет о стратиграфическом изучении холма в 1953 г.)», опубликованной в рецензируемом сборнике, впервые вводятся в научный оборот материалы небольших разведочных раскопок, проведенных автором на холме

¹ А. А. Марущенко, Анау. Историческая справка, «Архитектурные памятники Туркмении», вып. 1, Москва — Ашхабад, 1939, стр. 99—101.

Чопан-тепе, одном из наиболее древних сельскохозяйственных памятников Туркмении. На холме было пройдено шурфом глубиной в 6,40 м три горизонта, разделенных глинобитными прослойками и относящихся к одной археологической культуре. Материалы раскопок показывают, что основой хозяйства обитателей поселения, которое С. А. Ершов рассматривает как селище небольшой родовой матриархальной общины, были земледелие и скотоводство; охота и собирательство играли подсобную роль. Керамика Чопан-тепе имеет аналогии в материалах стоянки Джойтун, а также в материалах холма Тоголак-тепе и Анау I. Автор считает, что стоянка Джойтун (Чокмакдаш-беик) может быть отнесена к раннему, а Чопан-тепе — к позднему этапу одной археологической культуры (стр. 22), датируемой им V тысячелетием до н. э. Значительный интерес представляют плотные глинобитные прослойки, разделяющие культурный слой. С. А. Ершов считает их «нивелировочными площадками, на которых возводились жилые постройки какого-то легкого типа» (стр. 15). Учитывая, что уже для раннего этапа культуры Анау I характерны постройки из сырцового кирпича определенных размеров, мы вправе предположить и для Чопан-тепе наличие глинобитных жилых сооружений, остатками которых и являются, по-видимому, пятиметровые отложения холма.

Приходится сожалеть, что материалы раскопок такого интересного памятника опубликованы слишком кратко. В частности, лаконичное описание кремневых изделий не проиллюстрировано. Поэтому трудно понять такое, например, описание: «массивный наконечник с боковой выемкой и круговой (?) ретушью».

Вторая статья С. А. Ершова в рецензируемом сборнике посвящена исследованиям 1953 г. на северном холме Анау. Вскрытые шурфом напластования, судя по керамическому материалу, относятся к двум этапам культуры Анау I. Находки костей козы (возможно, овцы), быка, верблюда, собаки, а несколько позднее и костей свиньи, опровергают утверждение Р. Пампелли о том, что обитатели нижних слоев северного холма Анау знали только диких животных. Остатки жилищ из прямоугольного сырцового кирпича, полихромная роспись стен указывают на высокий уровень строительного искусства. Особый интерес представляют находки, связывающие культуру Анау I с памятниками раннего этапа кельтеминарской культуры Хорезма (находки остроногих и ладевидных сосудов). Наличие на керамике Анау I росписи в форме зигзагов и силуэтных треугольников генетически связывает ее с керамикой культуры типа Чопан-тепе. С. А. Ершов датирует Анау I первой половиной IV тысячелетия до н. э.

Автор ставит вопрос и об изменениях, произошедших в эту эпоху в общественной жизни: «...быстрое развитие в эпоху Анау I производительных сил почти во всех областях не могло не вызвать и соответствующих изменений в социальной структуре общества. Существовавшая в пору Чопан-тепе матриархальная родовая община, экономической основой которой являлось женское мотыжное земледелие, бывшее ведущей формой хозяйства, теперь, в связи с быстрым развитием скотоводства, возможно, сменилась патриархальной» (стр. 36). Подобное утверждение, но в более категорической форме, высказано и А. А. Марущенко (стр. 8). Не оспаривая права С. А. Ершова на подобное предположение, отметим только, что рискованно судить о характере общественных отношений по материалам шурфа, имеющего незначительные размеры (в верхней части 16 кв. м, а в нижней — 4 кв. м).

В сборнике помечены две статьи А. Ф. Ганялина, посвященные исследованию памятников эпохи бронзы. Статья «К стратиграфии Намазга-тепе» написана по материалам шурфовки, проведенной автором в 1952 г. и законченной в том же году отрядом ЮТАКЭ под руководством Б. А. Куфтина. Установлено семь культурно-хронологических этапов, соответствующих периодизации культур Анау, предложенной А. А. Марущенко. Предлагаемая А. Ф. Ганялиным стратиграфия Намазга-тепе в основном соответствует стратиграфии, установленной для этого памятника Б. А. Куфтиным. Однако по материалам поселения Йилгинлы-тепе А. Ф. Ганялиным выделен новый этап, не отраженный в стратиграфии Б. А. Куфтина, — этап Намазга II.

Вторая статья А. Ф. Ганялина посвящена исследованию холма Теккем-тепе, раскопки которого производились автором в 1952—1953 гг. Хронологически материалы Теккем-тепе соответствуют материалам VIII слоя Намазга-тепе, зафиксированного на «вышке» в северной части холма. Формы ремесленной керамики, обнаруженной при раскопках двух домов из сырцового кирпича и представленной преимущественно мелкими фрагментами, реконструируются по материалам синхронных Теккем-тепе янги-калинских погребений.

Основным занятием населения было земледелие; скотоводство играло вспомогательную роль. Имеются свидетельства об использовании крупного рогатого скота в качестве тягловой силы (стр. 73, 83). Теккемовский этап А. Ф. Ганялин считает заключительным в развитии местной древнеземледельческой культуры. Он непосредственно сменяется выделенной Р. Пампелли новой культурой так называемой «эпохи варварской оккупации» (по А. А. Марущенко, стадия Яшилли-тепе). Автор отмечает, что в материалах Теккем-тепе, а также соответствующих слоев Намазга-тепе и южного холма Анау нередко находки кочевнической керамики андроновского типа, «совершенно отличной от основной массы типичной теккемовской керамики» (стр. 84). Наиболее близкие к синхронным параллели этой керамике автор находит в материалах открытой С. П. Толстовым тазабаябской культуры Хорезма. «Раскопки на Теккем-тепе», — пишет А. Ф. Ганялин, — в сочетании с данными, полученными при работах ЮТАКЭ на Намазга-тепе, а также раскопки экспедиции Пампелли на южном холме Анау застав-

ляют предполагать, что поселения теккемовского времени в предгорных районах Южного Туркменистана гибнут в результате вторжения кочевников»... «Дальнейший исторический процесс привел к образованию новой археологической культуры, явившейся синтезом местной земледельческой и пришлой кочевнической» (стр. 84).

Три заключительных статьи сборника посвящены исследованиям памятников античного и средневекового времени. Статья Д. Дурдыева «Античные памятники Ташаузской области Туркменской ССР» является авторефератом защищенной автором в Институте этнографии АН СССР в 1954 г. кандидатской диссертации, написанной по материалам Хорезмской экспедиции АН СССР, в работах которой он принимал участие. Ряд материалов, в частности некоторые находки с крепостей Калалы-гыр I, Кюзели-гыр и Куня-Уаз, в статье публикуется впервые.

Статьи А. А. Марушенко «Хосров-кала» и «Старый Серахс» излагают результаты обследования в 1953 г. названных городищ. Публикуемые материалы вносят уточнения в хронологическую классификацию античных и средневековых памятников предгорных районов Южной Туркмении и являются новыми ценными источниками для изучения исторического прошлого Туркмении.

На Хосров-кале шурфовкою вскрыты культурные напластования от VII—IV вв. до н. э. до XI—XII вв. н. э. Обнаружение на городище ахеменидских слоев опровергает представление о нем как «памятнике феодального строя». Основываясь на наличии античных напластований, автор отождествляет Хосров-калу с античной Апаварктикой. Другой крупный античный памятник предгорной полосы юго-восточного Копет-Дага — Куня-Кааха, который отождествлялся М. Е. Массоном с Апаварктикой², А. А. Марушенко считает городом Рагав, упомянутым в дорожнике Исидора Харакского.

Шурфовка Старого Серахса дала последовательную стратиграфическую колонку от начала I тысячелетия до н. э. по XIX в. В статье отмечается высокий уровень ирригационной техники в доахеменидскую эпоху, обусловивший возможность появления земледельческого оазиса в бассейне среднего течения Теджена в первой половине I тысячелетия до н. э. Интересна мысль автора о том, что быстрый рост оазиса в античный период является следствием прекращения оседлой жизни в низовьях Теджена, вызванного усыханием этой части реки.

Автор полагает, что Старый Серахс имел в античный период стратегическое значение и был отмечен древнегреческим историком Полибием «под именем „некоего“ города на р. Арие, около которого в конце III в. до н. э. произошла битва Антиоха III с бактрийской конницей, открывшая ему дорогу на Бактру» (стр. 200), и что оазис под именем Сиракены упоминает Птолемей.

Материалы разведочных раскопок Хосров-калы и Старого Серахса опровергают точку зрения В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского, согласно которой все средневековые города Средней Азии возникали и развивались по единой схеме: сначала строился арк, потом около него появлялся шахристан, а затем рабад³, и подтверждают мнение С. П. Толстова, что существуют и иные, причем гораздо более характерные, линии развития средневековых городов⁴.

Однако с отдельными выводами А. А. Марушенко нельзя согласиться. В частности, едва ли можно признать доказанной датировку комплекса Хосров-кала VI—XI—XII веками н. э. Из слишком краткого и общего описания глазурованной керамики этого комплекса не удастся составить четкого представления о ней, а приведенные аналогии ей или не опубликованы (керамика Мешеди-Мисриана, Парау, Чугундора, Шах-Сенема), или, как например таджикские находки, в изданиях только упомянуты. Сопоставление поливной керамики Хосров-калы VI с подъемными материалами ряда южнотуркменских и хорезмийских городищ не может служить основанием для ее датировки, так как сами эти материалы не имеют твердо установленной хронологии, а привлеченная автором керамика Новой Нисы не является бесспорно сельджукской; М. Е. Массон, исследовавший это городище, относит ее к VIII—X вв.⁵ Что же касается афрасиабских аналогий, то И. А. Сухарев на основании проделанного им технологического анализа датирует эту керамику не XI—XII вв., а 20-ми — 30-ми гг. VIII в. — началом IX в. н. э.; А. И. Тереножкин относит ее, по стратиграфическим наблюдениям на городище, к раннеарабской стадии, т. е. к середине VIII в. н. э. Исходя из этих аналогий, хронологические границы комплекса должны быть, по-видимому, несколько расширены, его датировку следует начинать не с XI, а с IX в.

В заключение выскажем несколько замечаний по сборнику в целом. В первую очередь следует обратить внимание на методику раскопок.

В настоящее время в подгорной полосе Копет-дага зарегистрированы многие десятки памятников, оставленных древними земледельцами и скотоводами. Площадь большинства памятников имеет значительные размеры. Однако, за небольшими исключениями, исследование этих ценнейших памятников производится до настоящего времени

² М. Е. Массон, Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г., Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 27.

³ А. Ю. Якубовский, Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., «Материалы по истории Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР», Л., 1932, стр. 4—5.

⁴ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 240.

⁵ М. Е. Массон, Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 г., Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 7.

методом шурфовки с вскрытием незначительных площадей. Так, например, шурф, заложенный А. А. Марущенко в 1953 г. на холме Чопан-тепе, имеет размеры 4 кв. м. Шурф, заложенный здесь в том же году С. А. Ершовым, как сказано выше, имеет размеры в верхней части 16 кв. м, а в нижней — 4 кв. м. Насколько нам известно, больше никаких раскопок этого памятника, имеющего длину около 200 м, не производилось. Аналогичные размеры имеет шурф, пробитый С. А. Ершовым на склоне северного холма Анау. Подобными же методами производилось исследование таких памятников, как стоянка Джойтун (Чокмакдаш-беик), холмы Яссы-тепе, Намазга-тепе и ряда других. Наиболее значительные раскопки были проведены на Намазга-тепе; здесь работами ЮТАКЭ была вскрыта площадь в 500 кв. м, что, если учитывать колоссальную площадь памятника (около 50 га), также нельзя признать удовлетворительным. Раскопками вскрыто, следовательно, только около $\frac{1}{1000}$ части этой площади. Стратиграфическая шурфовка имеет свои положительные стороны, так как при минимальной затрате сил и средств дает некоторые предварительные сведения о памятнике, необходимые для его дальнейшего исследования. Однако какой бы тщательной по фиксации слоев и находок ни была шурфовка, ее материалов часто бывает недостаточно для успешного разрешения многих важных вопросов. В частности, имеющиеся разногласия по вопросу о периодизации древнейшего этапа истории Туркмении, несомненно, в значительной степени вызваны известной ограниченностью археологического материала.

При изучении опубликованных в сборнике материалов читателей вводит в заблуждение разноречивая в употреблении авторами, нередко в пределах одной статьи, таких терминов, как «культура», «эпоха», «этап», «культурно-хронологический этап», применяемых к одному археологическому комплексу (культура типа Намазга — стр. 8, культурно-хронологический этап Намазга — стр. 41, стадия Намазга — стр. 65). При дальнейших публикациях было бы желательно также упорядочить названия памятников. Например, стоянка у Джойтунского кака в статье А. А. Марущенко упоминается как «стоянка Джойтуна», а в статье С. А. Ершова как «стоянка Чокмакдаш-беик». Такие разночтения мешают работе над публикациями.

Необходимо обратить внимание на плохое качество выполнения фотоиллюстраций в сборнике. На некоторых photographиях трудно различимы не только орнамент, но и форма черепка. В этом отношении выигрывают статьи С. А. Ершова, где вместо photographий даны штриховые рисунки.

В целом же сборник «Материалы по истории Туркменистана», выпущенный Институтом истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, представляет значительный интерес как по новизне публикуемых материалов, так и по широте поставленных в нем проблем. Несмотря на краткость большинства отчетов, публикуемых в рецензируемом сборнике, они дают новый ценный материал для освещения некоторых вопросов изучения прошлого не только Южной Туркмении, но и всей Средней Азии.

Н. Н. Вактурская и А. В. Виноградов

Ученые записки МГУ, вып. 166. Труды Научно-исследовательского института антропологии, М., 1954, 110 стр.

Сборник состоит из пяти статей. Статьи П. Н. Башкирова, М. Ф. Нестурха, С. И. Успенского и Я. Я. Рогинского посвящены вопросам антропогенеза и морфологии человека, статья О. Н. Бадера и Б. Г. Тихонова — археологическим находкам мезолитического времени.

В статье П. Н. Башкирова «Удельный вес тела взрослых мужчин и факторы, определяющие его изменчивость» рассматривается методика определения удельного веса тела человека и его зависимость от других показателей телосложения. Несмотря на то, что этому вопросу посвящены обширные исследования И. Миса¹ и, особенно, Е. Бойд², его нельзя считать решенным как из-за несравнимости наблюдений разных авторов, которыми пользовалась Е. Бойд, так и из-за отсутствия в ее распоряжении достаточно представительных данных по характеристике конституции и физического развития. Собранный П. Н. Башкировым материал, включающий подробные измерения и определения удельного веса тела 170 мужчин, не оставляет желать лучшего в отношении унификации методики и позволяет определить зависимость между удельным весом, другими измерительными признаками и конституциональными факторами. Удельный вес тела в исследованной группе равен $1,0413 \pm 0,0011$. Оказалось, что он связан отрицательной функциональной корреляцией с длиной тела и степенью жировоголожения, положительной — с развитием мускулатуры. В соответствии с исследованиями П. И. Зенкевича, показавшего, что более массивные кости содержат относительно большее количество воды и жира³, общая масса костной ткани и удельный вес тела

¹ J. Mies, Über die Masse, den Rauminhalt und die Dichte des Menschen, «Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie», 1899, стр. 157.

² E. Boyd. The specific weight of the human body, «Human biology», 1933, № 4.

³ П. И. Зенкевич, К вопросу о факторах формообразования длинных костей человеческого скелета, «Ученые записки МГУ», вып. 34, М., 1940.